

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

НАЦ БЕСТ

АЛЬБЕРТ
МАКАШОВ
ТРАГЕДИЯ
СССР

КТО ОТВЕТИТ
ЗА РАЗВАЛ?

Альберт Михайлович Макашов

Трагедия СССР. Кто ответит за развал?

Серия «Национальный бестселлер»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5014730

Трагедия СССР. Кто ответит за развал?: Алгоритм; М.; 2012

ISBN 978-5-4438-0047-9

Аннотация

Альберт Макашов, быть может, самый яркий политик современной России. При упоминании одного его имени память переносится к событиям двадцатипятилетней давности. Тогда могучий Советский Союз зашатался под натиском перестройщиков. О грозящей Отчеству опасности одним из первых забил тревогу генерал Макашов. Потом был 91-й, развал страны. А как итог – кровавый 93-й, расстрел безоружных людей. И это он, Макашов, не сбежал, не отказался от Присяги, остался с обреченными на гибель защитниками Дома Советов до конца. Книга Альберта Михайловича о драматических событиях страны, о том времени, которое выпало на его долю.

Содержание

РОДИЛСЯ, КРЕСТИЛСЯ	4
УЧИЛСЯ	14
УСЫ	25
СЕМЬЯ	27
СЛУЖБА	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Альберт Михайлович Макашов

Трагедия СССР. Кто ответит за развал?

Дневников не вел. Да и так ли важны точные даты... Суть жизни важнее цифр. Пишу только о том, что видел сам и в чем лично участвовал.

РОДИЛСЯ, КРЕСТИЛСЯ

Родился я в селе Левая Россошь Воронежской области – это земли воронежского казачества, приписанного к Войску Донскому. Дед с отцом между собой друг друга только казачками и называли. Дед мой – Макашев Иван Васильевич. Я его хорошо помню, потому что хоронил, уже будучи суворовцем. За столом дед любил рассказывать, что пришли они, Макашевы, с Хопра (а бабуку по-уличному невесть за что все Черкесихой звали). Сам он служил, воевал в Первую мировую с турками на Кавказе, дослужился до урядника, выучился во время службы грамоте. Поэтому его стали приглашать читать псалтырь над покойниками, а что давали за этот труд – пропивал. Отец мой, Михаил Иванович, – как в Красную

Армию в 35-м ушел, так до 49-го без перерыва, с редкими отпусками только, и служил. Финскую прошел и Отечественную, вернулся старшим лейтенантом. В детстве я его почти не видел. Воспитывала же меня матушка моя, Борисова Анна Федоровна. Она родом из села Красный Лог, из старообрядцев. Так что и здесь я самого настоящего княжеского рода. У матери родители от оспы умерли, когда ей было 14 лет, и приютила ее бывший земский врач Наталья Васильевна, старая дева. Матушка моя была у нее и за дочь, и за кухарку, да еще и оспопрививальщицей работала. До конца жизни она за Наталью Васильевну молилась, в списке за упокой первой поминала. И, видать, было за что. Мать под ее крылом смогла окончить шесть классов, вышла замуж за отца, когда он пришел в отпуск из армии, родила меня. Наталья Васильевна и приказала назвать меня Альбертом, потому что как раз прочитала роман «Консуэло» Жорж Санд. Хорошо, что Адольфом не назвали, а могли – 38-й год, дружба с Германией. Получился – Альберт Макашев (именно так писалось тогда, помню табличку на доме, а в селах говорили – «Макашов»).

Помню, как боялся каждый раз, когда мать меня к нашей благодетельнице вела – уж очень она воспитывать и меня, и мать любила. Матушка перед тем, как идти, мне говорит: «Помой сапоги (а у меня в пять лет уже, какие-никакие, а были сапожки – тротуаров-то не было, всюду грязь), покажи платок. А как придем, смотри – не проси ничего, а дадут – сразу не бери». Много интересного у Натальи Васильевны

было. Помню, как позволяла мне играть со старой деревянной кофемолкой, у которой ручка трещала. Еще была у нее огромная, редкая по тем временам, семилинейная лампа под зеленым абажуром.

В один из приходов наших Наталья Васильевна говорит ласково: «Бери яблоко – вон, на комодке». А я же помню, как мать говорила – «ничего не проси» – и головой кручу: «Не хочу». Она: «Ну, не хочешь, и не надо». До сих пор жалко – такое яблоко румяное было и, наверное, вкусное. С тех пор, если предлагали что хорошее, я сразу брал.

В 41-м году мать партийной стала, в сталинский набор записали с началом войны. А она ведь из старообрядческой семьи и сама верующая: перед сном всегда молилась и меня двумя перстами крестила. При рождении меня не окрестила, а теперь, уже партийная, жена младшего командира, и подавно не могла. Только в 42-м получилось, когда немцы к Верхнему Дону подошли, и она решила меня к родственникам в Красный Лог увезти.

У нее после смерти родителей только и осталось там родственников, что какие-то двоюродные бабки... строгие! Шли тогда войска через село это, Красный Лог, и ребятня вся солдат водой поила. Я для этого самую красивую из наших кружек выбрал и вместе со всеми бегал. А когда вернулся, бабка заставила нас во дворе костер разжечь, и мы весь вечер всю посуду пережаривали. За кружку эту она меня особо ругала: «Ах, ты джеман!» Думал потом – что за слово та-

кое? А как историей религий стал заниматься, то решил – видимо, от «демона» – дьявола. Когда меня староверы первый раз увидели, то заохали: «Нехристь! Имя лютеранское!» – а матушка оправдывалась: «Муж – красный командир, сама – медсестра, служащая...» Ну вот, решили крестить. Мне было уже около пяти, я все хорошо запомнил – как всю ребятню в избе на печку загнали, а ради меня огромный самовар нагрели, даже два – наш и соседский. Бочка, в которую окунали, плохо, видать, выпарена была и потому крепко рассолом пахла. Пришел дед чужой в чем-то вроде рясы, облачение у него отдельно в тряпье было завернуто. Посмотрели в святцы и нарекли меня Дмитрием (так что священники обращаются ко мне: «Дмитрий Михайлович»). Потом, когда узнали об этом в райкоме, мать получила по партийной линии «строгача» – как же так, мол, ты жена красного командира... Но это потом, а тогда фронт рядом был, к ней из райкома с другим обратились.

Наталья Васильевна и Павел Петрович Лесных – тоже бывший, из земских врачей – люди были дореволюционного образования, дружили между собой. А поскольку сами по службе продвигаться не могли, всюду мою матушку выдвигали, надеясь, что она им будет защитницей. Когда немцы к самому Дону подошли, все заведующие и директора картой национальной дружно деру дали – за Волгу, за Урал. Так что матушку мою, с ее образованием в шесть классов и курсами медсестер, назначили заведующей райздравотде-

лом. Откуда у нее с ее скудным образованием такие организаторские способности взялись, только Богу известно. Моталась на работе, занималась организацией госпиталя, вопросами эвакуации, отправки и приемки эшелонов. Училась вместе с тем еще и на каких-то курсах партийных. Помню, как не могла понять чего-то по истории ВКП(б), до слез доходило.

Все способности, что имею по вопросам руководства, организации дела, взаимоотношений с людьми, – все от матери унаследовал, Борисовой Анны Федоровны.

Заведующей она пробыла ровно до тех пор, пока наши от Воронежа немцев не отогнали. Разом врачи и чиновники вернулись. Я это хорошо запомнил, потому что дети их, мои сверстники, надо мной подсмеивались: что, мол, не так я воспитан. Матушка с болью потом говорила: «Где вы были, когда я аэродромный госпиталь организовывала? Эшелоны с ранеными принимала?» А я все споры разрешал хорошей дракой.

К нам как раз тогда, в 44-м, отец приезжал. Ехал получать танки на Урал через станцию Колодезная в семи километрах от нас и отпросился переночевать. Утром пошли его провожать – мать с отцом об руку, а я по лужам подмерзшим катаюсь и промочил в конце концов сапоги. Пришлось матери с полдороги домой возвращаться, чтобы я не заболел. Долго она потом меня ругала, что я такую встречу ей расстроил.

Отец службу в кавалерии начинал, а когда механизация

началась, пересел на танк. Под Москвой получил орден Красной Звезды – орден боевой. Ранен был, легкое прострелили, так что до самой смерти туберкулезом болел. Брат его, Григорий, вскоре после войны от ран умер, а третьего сына дедова – Петра – еще в 1941 году под Вязьмой убили. После войны отец остался служить в оккупационной группе войск в Германии. Потом, после демобилизации, устроился электромонтером. У нас появлялся редко, разве раз в год. Гулял казак. Мать с ним в конце концов развелась и в 46-м, после того, как я первый класс окончил, купила на окраине Воронежа домишко, туда и переехали.

До того я день-деньской на Дону пропадал да на речке Ворона, в лугах и болотах Воронежской области. Собирал в лесу орехи и ягоды, ходил за дровами, выкапывал картошку, чистил за коровой, яблоки воровал в колхозном саду. Когда переехали, я на голову выше всех сверстников по улице был.

В конце войны – полная разруха, беспредел, бандитизм. Оружия было много. Банды ростовские, одесские, «Черная кошка» и т. п. С наступлением сумерек нас старшие загоняли в дом. При свете «катюши», сплющенной гильзы, направленной бензином с солью, соседская бабушка нам читала сказки. Иногда с улицы выстрел раздастся, крики: «Каравул, грабят!» Тогда бабуля коптилку тушила, загоняла нас под кровать и шептала: «Будут меня убивать, вы – молчите!» Со временем появилась на улицах власть: милиционер с револьвером – законодательная, два солдата с ППШ и карабином

– исполнительная. Бандитов на месте расстреливали. Через год-полтора мы уже и затемно по улицам бегали. Братва в наколах, вокруг которой мы, мальцы, вечно крутились, зазывала: «Советская власть не шутит».

В 1945 году на нашей улице жил директор хлебного магазина Орлов. Каждое утро за ним приезжал трофейный «опель-кадет». Когда Орлов садился в машину, то она заметно накренялась под его весом. Еще послевоенный голод, неурожай, а он такой огромный жирный кабан. Такие же толстые были два его сына, наши ровесники. Мы, худые и латаные, нещадно лупили этих поросят. То были уже классовые драки.

В один день приехал рано утром «воронок» и увез «борова» куда нужно. На улице тетки, наши соседки, неделю говорили: «Вот видишь, советская власть и до него добралась. Так ему и надо». Никто из моих родственников и близких в тюрьму не попал, так как не воровали, не убивали, не мошенничали. Вот и все репрессии...

К 47-му году всех бандитов перестреляли, пересажали. Молодую шпану определили в ФЗУ или ремесленное училище.

Очень много было беспризорников. Но я хорошо помню, как то один, то другой исчезали вдруг и появлялись уже в форме. Одних в ремесленную школу устроят, других, которые постарше, в фабрично-заводское училище. Ну а мы по возрасту не подходили, нас воткнуть некуда было. Район

наш, по названию Гусиновка и Чижовка, был на весь город печально знаменит. Чуть что дрались – по поводу и без повода. Старшие, мужики взрослые, от нечего делать стравливали нас, определяя победителей. Было свое рыцарство: «до первой кровянки», «лежачего не бить». Городских на речку из принципа не пускали. Зимой «чижи» и «гуси» делали поход в город на Щипной рынок. Изредка ходили в школу и учились. Мать-то работала, куда ей было за мной углядеть. Что вышло бы из меня, не знаю, но на счастье попался я на глаза уличному – председателю уличного комитета. Уличком вообще фигура для той поры – огромная. Хлебные карточки выдавал, справки, печать у него хранилась. А этот и подавно – умный и властный был старик. Ходил с милиционером, разбирался со старшими и среди нас, мелкой шпаны, профилактику проводил. Однажды привел меня к себе домой. Первый этаж у дома каменный, второй – деревянный, причем старый и настолько покосившийся, что ходить можно было, только наклонившись вперед. Старик подвел меня к своей дочери и сказал: «Вот тебе щенок – воспитывай!» Воспитательнице было, как я сейчас понимаю, лет 30. Но она почему-то была не замужем, всю не востребовавшую свою материнскую любовь обратила на меня.

Весь второй этаж дома был заставлен полками с книгами. И чего здесь только не было! Подшивка журнала «Всемирный следопыт» за 1924 год, журнал «Америка» (46–47-й годы), приключения, исторические романы... До сих пор вижу

перед собой отпечатанные на глянцевой бумаге иллюстрации типа «Нападение бизонов на поезд». И я зарылся в книги о море, о географических открытиях, пиратах. К четвертому классу уже твердо знал, что буду моряком, и написал письмо в Ленинградское нахимовское училище. Получил вскоре ответ за подписью контр-адмирала. Начальник училища по-доброму, по-отечески писал мне, что в Воронеже есть суворовское, а как его окончу – могу поступать в любое военно-морское учебное заведение.

К моменту поступления в СВУ я успел прочитать «Труженики моря» и «Отверженные» Гюго. Прочитал все, что было о Магеллане, Куке, Ушакове, Нахимове, матросе Кошке, Александре Македонском и Ганнибале. Первый после родных добрый человек, встретившийся на моем пути, – этот уличком. Царство ему небесное! Жалко, имени его не помню. А вспоминая книжные полки на втором этаже его дома, вслед за Горьким могу повторить: «Всему хорошему в себе я обязан книгам».

Вот так вот тех, чьи семьи были опалены войной и послевоенной разрухой, Советское государство собирало изо всех подворотен и коммуналок, отмывало, переодевало, кормило, учило.

В 12 лет детство мое окончилось. Военком нашего района капитан дядя Дима Мальцев (именно так я его запомнил) отвел меня в суворовское училище. Уж что он говорил в приемной комиссии, не знаю. Но экзамены я сдал хорошо, кро-

ме математики – тройка. Мать не возражала, так как к тому времени уже повторно вышла замуж. Я стал воспитанником СВУ.

УЧИЛСЯ

Мой первый учебный взвод: «Бердников, Власов, Глазков, Гончаров, Грачев, Елистратов, Жуков, Зябрев, Коняхин, Лохматов, Логвинов, Маслов, Макашов, Марков, Мусинов, Никулин, Олейник, Саломатин Доццаев, Черепков, Шиколин».

Разбуди ночью – прочитаю так же.

Не знаю, за какие заслуги, но меня офицер-воспитатель майор Кузнецов Иван Петрович выбрал и назначил своим помощником – помкомзвода. То же самое было и во всех других училищах (Тамбовское, Полтавское, Ташкентское). Старшим группы я был и в Академии Фрунзе, и в Академии Генерального штаба.

Первый год в СВУ учился так себе. Спорт мешал, культ которого тогда был во всех воинских коллективах. Лыжи, стрельба, фехтование на штыках. Стал юношеским чемпионом Воронежа по кроссу на приз газеты «Коммуна», несколько лет подряд был чемпионом училища по боксу в своей возрастной группе (проиграл только один бой старшекурснику Мастюкевичу... нет-нет, он был белорус). Чемпион Воронежской области по ручному мячу (11×11) среди взрослых. В 17 лет, поняв, что олимпийского чемпиона из меня не будет, стал готовить себя целенаправленно к службе в войсках. Выносливость, сила, ловкость, стрельба. С благо-

дарностью вспоминаю тренера, капитана Плещеева Дмитрия Андреевича. Долгие годы поддерживал с ним связь.

Да, преподаватели в училище были прекрасные. Все ходили в форме, некоторые – фронтовики. Историк, подполковник Картунов, – я всегда засиживался у него на уроках и, сколько времени после спортзала свободного оставалось, бежал в кабинет истории. Майор Любовь Залмановна Лейцина вела немецкий, на фронте она была переводчицей. Душу выдирала за знание языка. По средам весь день разговаривали только на немецком. Образование в суворовском давали такое, что даже тех, которых выгоняли за неуспеваемость, с удовольствием брали гражданские школы и училища.

С гуманитарными науками я ладил, а с математикой не дружил. Меня дразнили: «Вот какой длинный (не верили даже, что одногодок) – а не соображаешь». Меня это взяло за живое, пошел к математику, капитану Предыбайло. Он сказал: «Вижу, хочешь знать. Так вот это надо вызубрить, а тут – зубрежки мало, надо понимать» – и стал со мной заниматься. Где-то к середине учебы в СВУ я подтянулся: математика, физика стали «хорошо». Училище окончил со средним баллом «4,5».

Года через три после поступления окончилась моя карьера помкомвзвода. За очередную драку сняли с должности, чуть было вовсе не исключили из училища. Спасли преподаватели. Педсовет решил устроить мне *внезапный* экзамен по всем предметам. Шесть уроков, шесть проверок – на пяти

я получил «отлично». Наверное, пожалели. Слава богу, не было в этот день математики. Низкий поклон дорогим моим учителям: по истории – подполковнику Картунову, по словесности – майору Ермакову, по химии – майору Мацуку, по немецкому – майору Лейциной, по географии – майору Введенской.

Но больше всего я благодарен начальнику политотдела полковнику Карбасникову. Большой, грузный, в теле, как Кутузов, он непрестанно курил. Во время войны был начальником политотдела корпуса. После каждой моей драки вызывал к себе в кабинет и печально спрашивал:

– Опять? За что? Кого?

И когда я, исподлобья глядя, отвечал: «За дело, за справедливость», – он вздыхал:

– Вон ты какой вымахал, а дурак. Если бы ты был умный, то слова нашел. Убедил бы, что ты прав.

Но... это же мужской коллектив был, ведь даже в пажеских корпусах, где учились великие князья и их потомки, были драки. Я не считаю, что человек по природе своей драчлив, – так можно любую войну оправдать. Но тогда голова была горяча, а рассудочности не хватало. Я признаю это. Но учителя со мной очень много работали и не впустую, учили убеждать, прежде чем бить.

Был в наших преподавателях патриотизм, была идеология. Рассказывает, положим, химик о первом проекте танка, который создал сын Менделеева, и мы гордились этим.

Гордились, и когда нам говорили, что первый в мире самолет – Можайского, а паровоз – Ползунова. Потом уже, спустя некоторое время, узнаем, что первым, оказывается, взлетел Райт, танк русский не родился, а Ползунов был вторым. А ведь преподаватели рассказывали нам и о том, почему то или иное изобретение было не внедрено и кто был виноват. Но это на фоне факта первенства как-то отступало... Теперь-то я понимаю, какими молодцами были наши преподаватели: они не искажали историю, но учили нас гордиться своим государством, его прошлым. И ведь это свойственно русскому человеку, свойственно нациям вообще – хвалить свою историю и ею гордиться. Ругают-то обычно чужие.

Много читал. В суворовском нас воспитывали на классике, приучали читать и мыслить. Ежедневное чтение стало привычкой – как зубы чистить и зарядку делать. Начиная с наскальной клинописи, папируса и бересты печатное слово – это материал для мозгов. Книга заставляет думать. Телевизор, радио мозг от работы отучают, превращают человека в стадное животное. Оно способно лишь пережевывать ту информационную жвачку, что подсовывает режим. Такими легко управлять, легче программировать и зомбировать.

Из-за драк, а вернее из-за характера, в комсомол меня приняли только в 15 лет, в день смерти Сталина. Шел урок, мы изучали Конституцию 1936 года, когда вдруг включились во всех классах приемники и передают, что умер товарищ Сталин. Повели меня с двумя такими же «безнадежными»

в политотдел, и там полковник Карбасников, сам со слезами в глазах, сказал: «Сколько же мне биться пришлось с тобой и еще придется... но сегодня мы тебя записываем в комсомол – потому что день такой».

Через год я стал членом бюро роты. Руководил, конечно, спортсектором.

В суворовском в увольнение почти не ходил. Проводил время в спортзале или в библиотеке. Ее, кстати, библиотеку, эвакуировали перед войной из Прибалтики (кажется, из Тарту). Отдали в Воронежский университет. Как только наши освободили правый берег Вороны от немцев, Сталин подписал приказ о создании на левом берегу суворовского училища. Из разрушенного города командование забрало только эти самые книги. Долго город потом с нами рядился, но мы книг не отдали.

Присягу я принимал в лагере училища в июле 1956 года.

Как бы этого ни хотелось современным либералам, но в СВУ из нас не воспитывали мамелюков, не растили янычар. Кажется, русские люди такого и придумать не могут – с детства психику ломать, натравливать кого-то на кого-то. Все было естественно: росли и росли. И космополитов, слава богу, тоже не получилось.

Суворовское, я многим тебе обязан!

Весь суворовский выпуск 1956 года пошел в общевойсковые училища. Приказ такой отдал Г.К. Жуков. Нужны были командиры, нужна была образованная армия, потому что

даже не все комбаты Великой войны закончили ее, имея аттестат зрелости, десять классов. Когда я в 61-м направлялся в Группу советских войск в Германии, мой ротный учился в восьмом классе, и я решал за него задачки, писал работы по немецкому языку.

Учеба моя в училище прошла под знаком хрущевских реформ. Ее по курсам проследить можно.

Первый. Тамбовское военное училище. Такой отличной учебно-материальной базы и места расположения я нигде не видел. За городом. Вышел из ворот – тактическое учебное поле глубиной 8 километров, на горизонте едва виднеется церковь деревни Бокино. С другой стороны – лес, стадион, река, всеармейская база оружия, где можно изучать все виды оружия: канадские винтовки, американские пулеметы, немецкие МГ-42. Поневоле изучишь, когда время от времени приказывают перебрать все и смазать. Прекрасные казармы, учебные корпуса. Но после октябрьского пленума 1957 года училище расформировали: одних отправили в Томск, других – в Полтаву. Хрущева уже тогда ненавидели в войсках. В том числе и мы, курсанты. Престиж армии при нем резко пошатнулся. Один пример: тамбовчане звали нас, курсантов, «чижами». И вот почему: был, оказывается, такой майор Чиж – ушел в отставку и взял на откорм двести поросят. Так нас потом и называли «чижами» или «будущими свинарями». Через забор от нас тамбовское финансовое училище было. Со стороны посмотришь: все тамбовские де-

вицы переметнулись к финансистам, у наших ворот – редко когда одна-две. А как же – мама с папой учат: финансист – хорошо, офицер – да кому он нужен?

II курс. Полтавское военное училище. Разбитое со времен войны здание. Вместо тактического учебного поля – кладбище. До стрельбища – 20 км. Ни танкодрома, ни автодрома, ни спортгородка, ни парка учебно-боевых машин. Расформировано.

В Полтаве мы узнали, что Хрущев распорядился разогнать МТС и передать технику колхозам (а политики курсантам никак не избежать – приходят письма из дома, и сразу чувствуешь, что там и как). Большинство ребят было с села, это я уже вроде городским считался, – и общее мнение: «Ну все, трандец технике».

III–IV курс, теперь уже высшего общевоинского. Ташкент – город-то он хлебный, и жилось нам там неплохо. Но зачем гробить то, что уже было построено, ломать налаженный учебный процесс?

Хрущев – великий реформатор: то пол соединил с потолком, то туалет с ванной, то обком сельский с промышленным развел. Новый колодец не выкопал, а старый засыпал. Фундамент не выстроив, за крышу принялся. Нет, при слове «реформы» меня тянет схватиться за пистолет.

Как уже говорил, в училище я, как и в суворовском, был помкомвзвода, старшим сержантом. Сержант – это власть. Особенно в училище. Свободно может объявить два наряда

на работу. Говорят, я был справедлив. Это передалось мне, наверное, по материнской линии, от староверов.

Как-то на стрельбище меня отозвал в сторону подполковник Грищенко – старший преподаватель огневой подготовки. Фронтвик. Фанатик своего предмета.

– Макашов, честно скажи, тебе ребята дырки в мишенях не делают? У тебя пятая стрельба отличная.

(Стрельбище было немеханизированным, мишени, прибитые к шестам, держали, сидя в блиндажах, сами курсанты – показчики – вот некоторые их и просили проделать дырку загодя, до выстрела.)

Я на такой вопрос обиделся:

– Товарищ подполковник, я же помкомвзвода. И работы распределяю, и наряды объявляю. Кто ж сержанта любит?

– Тогда в чем секрет?

– Я готовлюсь, настраиваюсь. Мысленно, как пуля, проделываю ее траекторию. Заряжаюсь уверенностью. Для меня мишень не фанера, а мой враг. Или я его – или он меня.

– Да ну? Психолог! А почему ты не в партии еще? Я вот в сорок первом на фронте вступил. Лучшие люди должны быть в партии. Хочешь, рекомендацию дам?

В сентябре 1959 года я стал коммунистом. И никогда об этом не жалел.

Система спроса, обучения, поддержки в те годы была на высоте. На сборе хлопка рядовому курсанту норму установили 60 кг, а коммунисту – 80. До сих пор помню, какой этот

хлопок тяжелый.

О том старом способе стрельб еще хочу сказать. Позже стрельбища стали механизированными и показчики больше были не нужны. А дедовский этот способ, между прочим, имел свои плюсы. Вырывают блиндажи, проводят к каждому телефон, и на глубину два метра садится показчик с мишенью. В том, как настоящая фанерная мишень при попадании дергается и падает, есть достоверность – точно, нутром чувствуешь, что попал. Механизированное – это другое: настраивать надо мишень, да и любой камешек случайный спустить ее может. Второе: по сравнению с механизированным это намного дешевле. И третье: показчик, необстрелянный курсант, привыкает к очередям над головой – это отличная психологическая подготовка.

* * *

Служба в армии – сплошь будни. Когда говорят, что любят служить, – врут. Вероятно, мало работали. Офицер в любом звании и должности до командира батальона тянет солдатскую лямку. Командир взвода как минимум раз в неделю – начальник караула. Командир роты – дежурный по полку или по караулам. Командир батальона на учениях спит в боевом отделении танка или БМП (БТР), ест из котелка, умывается снегом.

Самые трудные и почетные должности в армии – коман-

дир роты и командир полка. Кто служил, может поспорить – но только тот, кто служил.

Из мотострелкового взвода я был переведен в разведбат дивизии и командовал группой глубинной разведки. Была такая организация. Пять солдат, я шестой, БТР или «уазик», а чаще всего – пешком. Радиостанция на 800 км дальности, автоматы с глушителями. Программа была своя, отдельная. В казарме и на плацу были мало. В основном в лесу, в основном ночью... Целыми неделями. Помню, как матушка к моему отпуску с большими трудами раздобыла где-то редкую путевку – пеший поход по Кавказским горам: костры, ночевки на природе. Долго не могла понять, почему я отказываюсь от такого прекрасного «отдыха».

Вершиной боевой подготовки были состязания разведчиков. К ним готовились круглогодично. Проверялись и оценивались экипировка, знание иностранных армий и их оружия, ориентирование на местности, стрельба с глушителем ночью, поиск средств ядерного нападения, физическая подготовка. За каждый вид – начислялись очки. Если в чем-то отличился, очки набавлялись.

Я учил своих ребят знанию немецкого языка, из-за чего возникали осложнения с особистом. Все мои парни умели водить разные типы БТР и автомобили. Вместе разрабатывали собственную экипировку.

Моя 4-я ГПР дважды была победительницей 18-й армии (штаб Форт-Цинна), дважды – по 8-й армии и всей Группе

советских войск в Германии – в 1964 году. Дипломов много. Стал командиром своей же роты, и вновь группа из нее заняла 1-е место в ГСВГ.

УСЫ

Согласно уставу внутренней службы, военнослужащие должны иметь короткую аккуратную прическу. С этим у меня было хорошо. Я всю службу стригся, чуть ли не наголо. Для удобства и гигиены. А вот за усы всегда имел неприятность. Они у меня выросли в 14 лет и почему-то вызывали ненависть у командира роты суворовцев майора Истомина. Всегда заставлял их сбрить, особенно в последний день перед каникулами или отпуском. Ну, конечно, все мы Истомина также не особенно любили.

Стал командиром роты разведки в Закавказье (Нахичевань на Араксе). Чтобы ребят заинтересовать, объявил перед строем: «Всем разрешаю носить усы. Кто на стрельбах получит «неуд», тот усы сбривает».

– А вы, товарищ капитан, тоже сбреете?

– Конечно! – Стрелял я из автомата прилично и был спокоен за свои усы.

И вдруг выхожу на огневой рубеж: первая очередь – мишень стоит. Вторая очередь – мишень стоит. Расстрелял рожок, и несут мои разведчики котелок с водой, кусок мыла и бритвенный станок. Молча сбриваю усы. Пошел проверять пристрелку автомата. Все молча. А вечером разведчики соznались, что подговорили оператора стрельбища поставить на пульте мишень на «непоражение». Утром объявил кросс.

Кто не уложился в оценку «хорошо», тот усы сбрил. Бегал я всегда по первому разряду.

И еще один раз сбрасывал усы по необходимости.

Я командир полка. Вызывает на смотрины командующий войсками Киевского округа генерал-полковник Салманов.

Зашел, доложил.

– Вы, подполковник, из дворян?

– Никак нет, из казаков.

– Запомни, усы носят бездельники и бл...ны. Иди в приемную.

Выхожу, прапорщик подает мне станок. Насухую сбрасываю усы. Это был наибольший компромисс с моей стороны в жизни. Генриху IV предложили из гугенотов перейти в католики. «Париж стоит обедни», – произнес Генрих и стал королем Франции. А здесь усы... И я получил должность заместителя командира дивизии. Но сам так с людьми не обращался.

СЕМЬЯ

Женился я поздно, в 28 лет (жена шутит: «Хорошо, что откобелился раньше, зато теперь – однолюб упертый»). То некогда было, то служба мешала, то... денег-то у лейтенанта много – платила Советская Армия прилично. В карты, правда, никогда не играл, силу и слабость вина знаю и не излишествую. Когда командовал дивизией, армией, округом, ни на одного веселого лейтенанта документов на увольнение не подписал. Женится – остепенится. Так оно в большинстве случаев и было. По крайней мере, со мной. А курить бросил после ранения, когда еще был капитаном. Обычная армейская история. Случайность. Ну и попал в госпиталь. Неслучайной зато была выходявшая меня бессменная моя сиделка – Людмила Максимовна, супруга с тех пор и поныне. Встретились мы еще раньше там же, в Нахичевани, но после того как она меня шесть месяцев выхаживала, не отходя от кровати, решили уже не расставаться. Словом, как сказал классик: «Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним».

А кровь и кожу для выздоровления мне отдали солдаты, так что потом остряки, где служить приходилось, распускали слухи, что я – генерал с солдатской кожей.

Итак, жена – Людмила Максимовна, специальность – жена офицера. По профессии ее производственный стаж – 13 лет,

а вот по этой, основной, специальности – вся жизнь. Мы ведь постоянно переезжали, поэтому устроиться на работу было непросто. С институтской скамьи я ее сорвал, и работала она то медстатистом в санэпидемстанции, то в военной прокуратуре... Вообще Люда любой работы не чурается – будучи женой командующего округом, мыла полы на лестничной клетке, сапоги мне чистила. Впрочем, обувью домашних занимался и сам. Строгого разделения обязанностей домашних в семье не было. Пока кочевали с супругой по стране, очень тосковала она по огороду, грядкам, саженцам. Ведь что ни гарнизон – то каменная коробка, плац да стрельбище. Чистая смерть для хохлушки от земли, от кавуна да тыкв с помидорами! Зато теперь на даче нашей самарской все лето с огорода не вылезает, в теплице – с рассвета до темна. И результаты, конечно, налицо – богато и красиво! И какие там секреты... главное предки завещали: делай дело с любовью, и все получится. Вот супруга, когда овощи сажает, каждый раз что-то и шепчет. Говорит, каждой рассаде нужно ласковое слово.

Первую мебель (деревянная кровать) она купила, когда я командовал уже полком. До этого спали, как и дети, на солдатских железных. Я глубоко благодарен судьбе за то, что моя Людмила Максимовна (не путать с Раисой Максимовной) – помогает мне служить, то есть – не мешает. Понимаю, что счастлив с ней, когда смотрю вокруг и вижу, как женщины лезут – повторяю – лезут в мужские дела. По глубокому

моему убеждению, женщина создана для семьи, для дома, для детей. Это ее важнейшее предназначение. И это наша славянская традиция, схожая здесь с исламской. А если, पुще того, женщина лезет в государственные дела, то в результате – ни государства, ни дома, ни семьи.

Слышал, что некоторые мужья пытаются сами все контролировать, всем заниматься, но мне неясно, когда же они делают свое основное дело. Мужчина должен быть в авангарде, а семья – это тыл. У меня он крепкий.

Детей у нас трое – сын да две дочки. Воспитывали без выкрутасов, дедовским способом – собственным примером. Сын дослужился до звания подполковника, уволен в запас. Дочери замужем за офицерами запаса, также подполковниками. Внуки пока – рядовые. Всего их шестеро – по два на каждую пару.

СЛУЖБА

Академия Фрунзе. Здесь учился взахлеб. Первый с уборщицами приходил, с дежурными последним опечатывал аудиторию.

Преподаватели – участники Великой Отечественной войны. Я пришел в академию с должности командира батальона. Мне казалось, что знаю я уже много. Мог организовать марш, бой, работать с людьми, научить их стрелять, водить. Но академия учила думать. Тетради, исписанные здесь, путешествовали потом вслед за мной по секретным отделам тех частей, куда меня назначали.

Окончил академию с золотой медалью, получил полк. На комиссии просил отправить меня на Камчатку. Кадровик зарычал: «Дали полк – детей под мышку и бегом по шпалам!» Так я оказался в Чапаевской дивизии Киевского военного округа.

Знаний, полученных в Академии Фрунзе, хватало на полк, дивизию. Ни разу за службу меня не посылали ни на какие курсы.

Хотя дивизию получил случайно. Вообще, если оглянуться, вижу, как велика была в моей службе, да и в жизни, роль случайности. Ведь случайно же попал в суворовское, случайно моряком не стал. Была, конечно, косточка армейская, наследственная, и мне трудно сказать, где бы я еще, кроме ар-

мии, пришлось, но ведь обстоятельства не по моей воле складывались. Случайно. Так же случайно стал после окончания академии и комдивом. Дважды танки дивизии, где я был заместителем комдива, отправлялись в Египет, и оба раза командующий войсками округа звонил моему командиру в тот момент, когда того не было у телефона. Попадал на меня. Спустя некоторое время снимают комдива и направляют куда-то советником. Встает вопрос: кого вместо него ставить? Тут командующему говорят: «Да вот, Макашов, по сути, уже два года этой дивизией командует». А он и сам в этом дважды имел возможность убедиться. Назначили меня.

Раз случайность, два случайность, но нужно и умение... Да и Бог помогал.

Дивизией командовал четыре года. Стояли в Конотопе, славянском городе, а дивизия у меня как на подбор – мусульманская. У нас вообще армия была большей частью именно мусульманская. Представители Средней Азии, Закавказья, Кавказа. Это как с 60-го года появились в продаже мебельные гарнитуры, так и перестали наши бабоньки рожать... Деньги стали не на детей тратить, а на гарнитуры. А мусульмане – рады стараться. Я с ними еще в Ташкенте, на последнем курсе общевойскового, общаться начал, тогда же и Коран прочитал.

В округе мою дивизию называли «Дикой дивизией». Дикая (туземная) дивизия из исторического прошлого России состояла из полков: Дагестанского, Ингушского, Кабардин-

ского, Татарского, Чеченского, Черкесского. Командующий войсками округа генерал армии Герасимов говорил, помню: «Всех азиатов к Макашову, он и сам на русского не похож...». Пополнение поэтому в основном было с Кавказа и из Туркестана. Приходилось крутиться, искать нестандартные решения. Политика-то ведь в армии с командира взвода начинается. Лейтенант должен убедить солдат, чтобы служили верно. Что уж о комдиве говорить...

Проводил с офицерами семинары по основам Корана, оркестр наш разучил и играл «Восточный марш». Знаменитого чеченского танцора Махмуда Эсамбаева в дивизию с концертами приглашали.

Разные случаи были: рядовой Мурзагалиев, мусульманин, отказался мыть пол – мусульманину-мужчине, мол, такое не к лицу. Послали письмо домой с просьбой к родственникам обратиться с этим к мулле. Приходит ответ: мулла сказал, что когда мусульманин на военной службе, то он – человек государственный и ему можно исполнять любое дело. Тут Мурзагалиев этот и взялся за ведро со шваброй.

А однажды, когда только начинал командовать, вижу (квартира у меня была с окнами на плац) – идут ко мне начмед майор Ляхов и начпрод Гамм. Рассказывают: пришли представители Узбекистана, отказываются хлеб дрожжевой есть. Кислый. Вижу, Гамм этот (а хитрый был еврей!) стоит, поглядывает на меня, ждет, когда «что же делать?» спрошу. «Ты, – говорю, – Гамм хитрый, я это знаю. Ты ведь обя-

зательно что-нибудь придумал, иначе не подошел бы». Он: «Предлагаю печь пресные лепешки!» Я: «Другому бы не поверил, но ты – Гамм, у тебя, наверное, получится».

Испекли. Солдаты и ели эти лепешки, пока не привыкли к обычному русскому хлебу. А свинину всегда только в виде котлет, с сухарями ее проворачивали. Называли говядиной, на слово «свинья» вообще табу было. Только «чушка».

Под личным контролем старался держать как можно больше дел. В 18.00 каждый день, если не планировались ночные стрельбы, выходил на развод караулов. Этого же требовал от командиров полков. Ведь несение караульной службы есть выполнение боевой задачи. Каждый Новый год я проверял караулы. Мало ли что придумается молодому парню в новогоднюю ночь.

Воевал с шагистикой, бездумной строевой подготовкой. Убежден: нужно, чтобы солдат понял, а не заучил. Шагистика – это прошлое, наследство прусской армии, но... дураков в армии много. Помню, в 4-й армии (Баку) был один из заместителей командующего генерал-майор Шахнович – выводил нашу нахичеванскую дивизию под палящее солнце, испытывал выдержку личного состава. А сам с мегафоном: «Позор! Стоять смирно, не шевелиться! Строевой подготовкой классики марксизма и ленинизма занимались!» Когда я пришел домой, впервые не по принудилровке (прочитать и законспектировать), а по собственному желанию открыл статью Энгельса «Ротное строевое учение». А там совсем не то.

С тех пор как вспомню эту фразу Шахновича, так смеюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.